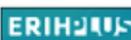

Кудряшов И. В. О чем вызывают «повешенные вниз головою» Николая Клюева? (Об одной поэтической эпитафии жертвам белого террора) / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 185—206. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-185-206.

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2021). What is Nikolai Klyuev's "Hung Upside Down" Crying for? (On Poetic Epitaph to Victims of White Terror). *Nauchnyi dialog*, 8: 185-206. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-185-206. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-185-206

**О чем вызывают
«повешенные вниз
головою» Николая Клюева?
(Об одной поэтической
эпитафии жертвам белого
террора)**

Кудряшов Игорь Васильевич

orcid.org/0000-0001-7022-3830

ResearcherID J-7391-2019

доктор филологических наук,

доцент, профессор кафедры

русского языка и литературы

kiv.arz@yandex.ru

Пяткин Сергей Николаевич

orcid.org/0000-0002-8659-7543

ResearcherID J-9796-2016

доктор филологических наук,

профессор,

профессор кафедры

русского языка и литературы

nikolas_pyat@mail.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
Арзамасский филиал
(Арзамас, Россия)

**What is Nikolai Klyuev's
“Hung Upside Down”
Crying for?
(On Poetic Epitaph to Victims
of White Terror)**

Igor V. Kudryashov

orcid.org/0000-0001-7022-3830

ResearcherID J-7391-2019

Doctor of Philology, Associate Professor,

Professor, Department of Russian

Language and Literature

kiv.arz@yandex.ru

Sergey N. Pyatkin

orcid.org/0000-0002-8659-7543

ResearcherID J-9796-2016

Doctor of Philology, Professor,

Professor, Department of Russian

Language and Literature

nikolas_pyat@mail.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod,
Arzamas Branch
(Arzamas, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблемам историко-культурного комментария, а также истолкования идейно-образного содержания и жанровой атрибуции стихотворения Н. А. Клюева «Повешенным вниз головою...», созданного поэтом в вытегорский период жизни (1918—1922). Анализ показал, что факты вытегорской жизни Клюева времени создания «Повешенным вниз головою...» и глубоко переживаемый поэтом страх подвергнуться жестокой казни подвигли его к литературному увековечению памяти жертв белого террора, принявших мученическую смерть через повешение в годы гражданской войны. Авторы исследования приходят к выводу, что отсылки к Библии и стихотворению Л. И. Пальмина «Requiem» позволяют отнести это произведение Клюева к одному из самых пламенных сочинений поэта той поры, призывающих живых к самоотверженному служению идеалам пролетарской революции, и идентифицировать его жанровую принадлежность как литературную эпитафию жертвам белого террора, выделяющуюся своей монументальностью и вневременностью содержащегося в нем ценностного посыла потомкам. Авторы статьи убеждены, что несостоявшаяся попытка Клюева републикации стихотворения «Повешенным вниз головою...» в 1927 году выдает в поэте, переживающем обвинения критиков в контрреволюционном содержании произведений, стремление продемонстрировать преемственность позднего творчества с его «коммунарским» прошлым.

Ключевые слова:

Н. А. Клюев; А. А. Вермишев; Л. А. Пальмин; белый террор; эпитафия; литературная традиция; библейская традиция; мифопоэтика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the problems of historical and cultural commentary, as well as the interpretation of the ideological-figurative content and genre attribution of N. A. Klyuev's poem "Hung upside down...", created by the poet during the Vytegor'sk period of his life (1918—1922). The analysis showed that the facts of Klyuev's Vytegor'sk life at the time of his creation "Hung upside down..." and the poet's deeply felt fear of being subjected to a cruel execution prompted him to literally perpetuate the memory of the victims of the White Terror who were martyred by hanging during the Civil War. The authors of the study come to the conclusion that references to the Bible and L. I. Palmin's poem "Requiem" make it possible to attribute this work of Klyuev to one of the most ardent works of the poet of that time, calling on the living to selflessly serve the ideals of the proletarian revolution, and to identify its genre as a literary epitaph to the victims of the White Terror, which stands out for its monumentality and the timelessness of its valuable message to descendants. The authors of the article are convinced that the failed attempt by Klyuev to republish the poem "Hung upside down..." in 1927 betrays the poet, who is experiencing criticism of the counter-revolutionary content of his works, a desire to demonstrate the continuity of his later work with his "communard" past.

Key words:

N. A. Klyuev; A. A. Vermishev; L. A. Palmin; white terror; epitaph; literary tradition; biblical tradition; mythopoetics.

О чем взывают «повешенные вниз головою» Николая Клюева? (Об одной поэтической эпитафии жертвам белого террора)

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2021

1. Вводные замечания (О научной несостоятельности «опыта комментария» на картах Таро)

Стихотворение Николая Клюева «Повешенным вниз головою...» вошло в состав сборника поэта «Львиный хлеб», опубликованного в московском издательстве «Наш путь» в 1922 году. Произведения, собранные в этой книге, не были датированы поэтом и создавались им в период пребывания в Вытегре, куда он переехал из деревни Рубцово весной 1918 года, вскоре после смерти отца. Американский исследователь творчества поэта М. Мейкин справедливо называет книгу «Львиный хлеб» «главным, итоговым поэтическим “высказыванием”» поэта вытегорского периода творчества и указывает, ссылаясь на датировку текстов в книге «Сердце Единорога» (1999) [СЕ], на примерные сроки создания клюевских текстов: «Все написаны между 1919 и 1921 годами» [Мейкин, 2005, с. 173]. Российский ученый С. И. Субботин несколько точнее обозначает срок готовности рукописи книги «Львиный хлеб» — «Июнь (?), не ранее» 1921 года [ВС, с. 798]. Точная датировка создания произведений, составивших сборник «Львиный хлеб», имеет значение как для уяснения времени написания интересующего нас стихотворения «Повешенным вниз головою...», так и для осмысления идейно-художественного замысла и жанровой атрибуции этого клюевского текста, о чем речь пойдет ниже в связи с анализируемыми событиями из вытегорской жизни поэта.

Исследователи творчества Николая Клюева, как правило, обходили вниманием стихотворение «Повешенным вниз головою...», ограничиваясь лишь указанием на превалирующее в произведении авторское настроение безысходности [Азадовский, 2002, с. 177] или же на содержащиеся в нем «сюрреалистические образы», рожденные «страхом перед одиночеством» и характеризующие «амбивалентность» чувственного мира поэта [Солнцева, 2000, с. 94—95]. Единственной на сегодняшний день попыткой (весьма, на наш взгляд, неудачной) осмыслить природу символизма и образности клюевского текста стала статья филолога и писателя Ю. П. Соловьева «“Иное царство” Николая Клюева. Опыт комментария к одному стихотворению». Автор этой публикации сопоставляет

«символический стержень клюевского стихотворения с одной из фигур карт Таро — 12-м арканом, носящим название “Повешенный”» [Соловьев, 2000, с. 199]. Не отказывая Соловьеву в научной смелости, заметим, что необоснованность проводимого им сопоставления принадлежащих к разным и далеким культурным и историческим эпохам «повешенных» и, как следствие, научная несостоятельность выводов проявляются уже в том, что в отличие от 12-го аркана в стихотворении Клюева речь идет не об одном повешенном (если точнее, то подвешенном живом человеке), а о видящих сны казненных, принявших смерть через повешение вниз головой. Приводимые в публикации Ю. П. Соловьева доказательства литературной связи произведения Клюева с западноевропейской и отечественной оккультной литературой (в частности, сочинениями «Богемское Таро» Жерара Анкосса (Папюса), «Символы Таро: (старинная колода карт): философия оккультизма в рисунках и числах» П. Д. Успенского, а также книгой путевых очерков Е. П. Блаватской «Из пещер и дебрей Индии: Загадочные племена на “Голубых горах”. Дурбар в Лагоре», проповедующей существование в природе неизвестных науке оккультных сил) вне актуального историко-культурного контекста проясняют истоки символично-образного строя произведения Клюева «Повешенным вниз головой...» ровно настолько, насколько мог быть полезным для литературоведения в этом отношении самый простой расклад на картах Таро, используемый в мировых эзотерических практиках.

2. «Захлестнутые за ноги» (Вытегорский смертный страх поэта)

Приведем целиком текст стихотворения Николая Клюева.

Повешенным вниз головой
Косматые снятся шатры
И племя с безвестной молвою
У аспидно-синей горы.

Там девушка тигру услада,
И отрок геенски двууд.
Захлестнутым за ноги надо
Отлить из кровинок сосуд.

В нем влага желёз, сочленений,
И с семенем клей позвонков...
Отрадны казненному сени
Незыблемых горных шатров.

Смертельно пеньковой тропею
Достичь материнской груди...
Повешенных вниз головою
Трещоткою рифм не буди [СЕ, с. 489].

Уже с заглавной строки текста обращает на себя внимание способ смертной казни через повешение вниз головою. В отличие от самого распространенного в мире способа казни — повешения за шею, — при котором смерть наступает если не мгновенно (в результате перелома шейных позвонков под тяжестью тела), то на протяжении нескольких минут (в результате асфиксии), при повешении за ноги процесс умирания значительно затягивается, агония наступает только спустя несколько часов [Ушерович, 1933, с. 158—196]. Крайняя степень жестокости такого способа казни, сопряженного с непомерными муками осужденных на смерть, способствовала тому, что в России он никогда не применялся как крайняя мера судебного (законодательного) наказания даже за самые тяжкие преступления.

В Российском законодательстве наказание «повешением вниз головою» (или за ноги) встречается единожды применительно к погибшим дуэлянтам. В 1715 году при непосредственном участии императора Петра I был разработан «Воинский артикул», систематизировавший российские уголовно-правовые нормы и действовавший, как известно, вплоть до создания Сводов законов Российской империи. 139 воинский артикул «наижесточайше» запрещал «вызовы, драки и поединки». За нарушение этого запрета дуэлянтам полагалась смертная казнь через повешение за шею. Тела же погибших на поединках предписывалось вешать за ноги: «И ежели случится, что оба или один из них (дуэлянтов. — *И. К., С. П.*) в таком поединке останется, то их и по смерти за ноги повесить» [Артикул воинский ..., 1735, с. 148]. Обращает на себя внимание тот факт, что даже Петр I, отличавшийся крайней жестокостью применения наказаний, повелевал вешать за ноги не живых, а исключительно тела уже умерших военных.

Но что же тогда могло навеять Клюеву тему для его стихотворения? Ответ на этот вопрос кроется в реалиях вытегорской жизни поэта. В свое время К. М. Азадовский в документально-биографическом очерке, посвященном Клюеву, обратил внимание на «явную переключку» стихотворения «Повешенным вниз головою...» со строками письма поэта к В. С. Миролубову, написанного осенью 1919 года в Вытегре, но какого-либо пояснения этой переключки исследователь в своей работе, к сожалению, не представил, ограничившись лишь указанием на имеющую место связь [Азадовский, 2002, с. 236]. Письмо Клюева к Миролубову характеризует внутреннее состояние адресанта: его естественный и нескрываемый страх за свою

жизнь и стремление во что бы то ни стало «защитить себя от неминуемой и страшной смерти с приходом белогвардейцев» в Вытегре: «Ах, слеза моя, горелая, пропащая! Белогвардейцы в нескольких верстах от Пудожа. *Страх смертный, что придут и повесят вниз головой и собаки обглодают лицо мне.* Так было без числа. Я ведь не комиссар — не уцелею <...> Приехал бы я в Москву, да проезд невозможен: нужно все “по служебным делам” — вот я и сижу на горелом месте и вою, как щенок шелудивый. И пропаду, как вошь под коростой, во славу Третьего Интернационала» [СД, с. 249] (здесь и далее курсив в цитатах наш. — *И. К., С. П.*).

В охваченной гражданской войной стране в самом разгаре белый террор, жертвами которого подчас становились не только сами участники вооруженного конфликта, но и сочувствующие советской власти мирные крестьяне, жены и дети красноармейцев [Ратьковский, 2017]. Ещё летом 1919 года белогвардейцы заняли деревню Куганаволок Водлозерской волости Пудожского уезда и продолжили наступление на расположенный в 70 верстах уездный центр Пудож. Навстречу им из Пудожа, расположенного в 100 верстах от Вытегры, вышел отряд красновардейцев численностью 45 человек под командованием уездного военного комиссара Ф. С. Колотихина, который остановил продвижение белогвардейцев на границе Водлозерской волости. В течение всего лета 1919 года за Водлозеро шли упорные позиционные бои. Например, деревня Сердечкина Избушка, расположенная всего в 33 верстах от уездного города, несколько раз в течение этого времени переходила из рук в руки. В октябре 1919 года над Пудожем нависла реальная угроза сдачи, но город удалось отстоять и уже к концу месяца изгнать белогвардейцев за пределы Водлозерской волости [За Советскую Карелию ..., 1963, с. 56—62]. Вероятнее всего, письмо к Миролубову было написано Клюевым в октябре 1919 года (в дни, когда решалась судьба Пудожа), а утверждение поэта, что «белогвардейцы в нескольких верстах от Пудожа», не так далеко от правды, если помнить, что в условиях продолжительных позиционных боев разведывательные отряды белогвардейцев могли быть замечены в пригороде уездного центра. Из воспоминаний В. А. Соколова, младшего современника и земляка поэта, известно, что в те дни, когда белогвардейцы подступали к Пудожу, «Клюев провожал пламенной речью вытегорский красноармейский отряд на бой с врагами» [ВС, с. 238], следовательно, поэт был информирован о нависшей над Пудожом опасности. И эта тревожная ситуация, по всей видимости, нагнеталась слухами о неизбежной сдаче города, распротравившимися среди вытегорских обывателей.

Страх смерти от рук белогвардейцев, овладевший поэтом осенью 1919 года в Вытегре, подкреплялся еще и известиями о массовых жестоких расправах с сочувствующим советской власти мирным населением, проис-

ходивших весной этого же года в стране, в том числе и в расположенном неподалеку Олонце после его захвата отрядами белофиннов: «24 апреля 1919 г. белофинские отряды “Олонецкой добровольческой армии” после боя захватили Олонец. Происходили массовые расправы с пленными. Например, известен расстрел 27 раненых красноармейцев в больнице г. Олонец. Расстрелы подтверждались актом медперсонала больницы. Расстреливались жены и дети красноармейцев... Всего в городе расстреляно более 60 человек, по уезду более 200 человек» [Ратьковский, 2017, с. 232]. О фактах белого террора — массовых показательных расстрелах и повешениях — так же, как и о гибели отдельных героев войны, периодически сообщали общероссийские и губернские газеты большевистской направленности той поры, которые Клюев, в то время являвшийся членом вытегорской организации РКП(б) и принимавший «в ее работе самое активное участие» [Азадовский, 2002, с. 158], не мог не читать.

Обратимся еще раз к уже упомянутому письму поэта к Миролюбову 1919 года. Объяснение Клюевым своего страха казни через повешение вниз головой подкреплено, с его точки зрения, весомым и убийственным аргументом: «*Так было без числа. Я ведь не комиссар — не уцелею*» [СД, с. 249]. Опасения поэта, в то время бывшего членом партии большевиков, активно занимавшимся агитационно-пропагандистской работой, подвергнуться репрессии со стороны белогвардейцев имели под собой серьезное основание. В отличие от комиссаров, входящих в состав воинского формирования, «красный агитатор» Клюев был штатским и не имел возможности отступить из города вместе с красногвардейцами, под их защитой, чтобы «уцелеть» и избежать неминуемой жестокой расправы. Массовые репрессии и казни в период гражданской войны, заметим, с обеих конфликтующих сторон, были явлением распространенным повсеместно. Но тот способ казни, которого смертельно боялся Клюев, даже в условиях братоубийственной войны, никак нельзя назвать массовым, а наоборот — единичным, из ряда вон выходящим проявлением неоправданной жестокости, зверства непримиримых участников гражданского кровопролития. Так, в недавно увидевшем свет исследовании И. С. Ратьковского «Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917—1920 гг.)», систематизировавшем все сохранившиеся сведения масштабных расправ белых войск, содержится упоминание лишь одного факта казни через повешение вниз головою, состоявшейся 31 августа 1919 года во время прорыва конницы Мамонтова к Ельцу над военкомом запасного пехотного батальона 13-й армии А. А. Вермишевым (1879—1919) [Ратьковский, 2017, с. 286]. Свою известность он получил как пролетарский поэт-коммунист, по одной из версий — автор ставшей популярной поэтической клятвы красноармейцев

«Вперед, друзья, вперед...», опубликованной в газете «На фронт» в мае 1919 года, и ряда пьес, отражающих характер классовой борьбы того времени: «За правдой» (1908), «Праздник Сатаны» (1918) и «Красная правда» (1919), более известной по ее театральным постановкам как «Красные и белые» [ВИ, с. 5—15]. Некролог о зверски замученном мамонтовцами поэте-комиссаре Вермишеве, написанный его близким другом и сослуживцем Саркисом Лукашиным, был опубликован в «Еженедельнике “Правды”» (№ 12—13 от 12 октября 1919 года), в то время являвшемся органом Центрального комитета и Московского комитета и Московского губернского комитета РКП(б). Информация о героической смерти Александра Вермишева появляется и в других изданиях, как центральных, так и региональных. Некрологи А. А. Вермишеву были опубликованы, например, в общероссийском «Вестнике театра» (№ 38 от 21—26 октября 1919 года) и «Боевой правде» (№ 39 от 29 октября 1919 года). Но еще до публикаций в центральных периодических изданиях в газете «Известия» Орловского губернского и городского Советов (№ 462 от 20 сентября 1919 года) выходит небольшая информационная «корреспонденция о гибели красного комиссара А. Вермишева в гор. Ельце от рук банды Мамонтова»:

«31 августа политический комиссар Н-ского пехотного запасного батальона Н-ской армии А. Вермишев при защите г. Ельца от набега мамонтовских банд, удерживая с красноармейцами напор бандитов на станцию Елец, все время стоял в рядах красноармейцев, ободрял их словами и боевыми действиями. Бандиты окружили отряд красноармейцев, и тов. Вермишев был взят в плен. Тут же, на поле битвы, казаки избивали тов. Вермишева до потери сознания нагайками, привязали к седлу и притащили в город к дому, где находился генерал Мамонтов.

Перед домом, занимаемым Мамонтовым, казаки подвергли тов. Вермишева жестокой казни: отрезали по частям пальцы, нос, уши и другие части тела. Потом повесили тов. Вермишева за ноги на заборе и после трехчасовой пытки изрубили шашками на части.

На все вопросы, задаваемые бандитами, тов. Вермишев ничего не отвечал и, когда увидел, что ему приходит конец, громко воскликнул: “Да здравствует Красная Армия и ее завоевания! Да здравствует власть Советов! Да здравствует тов. Ленин! Будьте прокляты, палачи...”

В это время тов. Вермишеву был нанесен шашкой смертельный удар в голову. Тов. Вермишев, член Коммунистической партии, неустанно работал на пользу Революции среди красноармейцев и рабочих.

Ни одной минуты не проходило у него без дела. Он шел первым туда, где грозила наибольшая опасность, где слабые товарищи нуждались в поддержке или духовной помощи.

Тов. Вермишев в свободное время писал стихи, помещая их в газете «Красная звезда», написал пьесу «Красная правда» в четырех частях. Так погиб смертью мученика истинный борец за лучшее будущее трудящихся, честный коммунист, человек с отзывчивой душой, незаурядный поэт-пролетарий» (цит. по: [Орловская губерния ..., 1963, с. 131—132]).

Яркая жизнь и героическая смерть А. Вермишева уже в начале 20-х годов стали примером и символом самоотверженного служения идеалам революции, а имя казненного мамонтовцами поэта-большевика с кратким описанием его страшной гибели было увековечено в несколько раз переиздававшийся книге «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.» [ПБ, с. 119].

Скорее всего, Клюев и Вермишев не были лично знакомы. Вместе с тем существует целый ряд весомых косвенных свидетельств в пользу того, что поэт знал о трагической судьбе красного комиссара.

Так, в 1919 году В «Записках Передвижного Общедоступного театра» (№ 22/23) Клюев печатает направленную против проводимой властями политики уничтожения особо почитаемых в народе мощей святых статью «Самоцветная кровь», ответом на которую стала раздражительная, пресыщенная колкостями анонимная статья «Театр корявой бабки» в «Вестнике театра» (№ 36 за 7—12 октября 1919 года). В этом же номере журнала, который Клюев, без сомнения, прочел, содержится информация о театральной жизни Петербурга, где в ряду прочего сообщалось, что «в Революционном Рабочем героическом театре» под режиссерством А. Мгеброва усиленно репетируют пьесу «Красные и белые», которая пойдет для открытия сезона». «Вестник театра» помещал на своих страницах и информацию о театральной жизни в российской провинции, в том числе и городе Вытегра. В 50 номере «Вестника театра» от 29 января — 4 февраля 1920 года была помещена — опять-таки без авторской подписи — уничижительная по своему пафосу статья «Канун да ладан!..», рассказывающая о посвященном русскому народному искусству вступительном слове Николая Клюева («Медвежья цифирь»), которое предшествовало просмотру пьесы из современной революционной жизни «Мы победим», поставленной по произведению Азрова на сцене вытегорского красноармейского клуба «Свобода» [СД, с. 511]. Сам Клюев принимал самое активное участие в театральной жизни Вытегры, причем в самых разных ипостасях: автора пьес, режиссера-постановщика, театрального критика и даже актера [ВС, с. 235—257] — и, конечно же, внимательно следил за театральной жизнью молодой страны Советов, главным образом по публикациям в периодике — «Записках передвижного театра», где печатался сам еще с 1918 года, и «Вестнике театра», где печатали откровенно нелицеприятные, наполненные сарказмом статьи о нем. В промежутке между

двумя разгромными для поэта статьями в «Вестнике театра» в 38 номере журнала от 21—26 октября была опубликована большая (в полразворота газетного листа) статья П. С. Когана «Красная Правда» о спектакле фронтовой студии Пролеткульта, следом за которой редактором был помещен уже упомянутый нами некролог А. А. Вермишеву, «автору “Праздника Сатаны”, “Белые и Красные”, “Красной Правды” и ряда других талантливых пьес, отражающих процесс пролетарской борьбы». Из этой публикации Клюев также мог почерпнуть информацию о творчестве Вермишева и некоторых обстоятельствах его ухода из жизни «во цвете лет ужасной, мучительной смертью». В данном отношении обратим внимание на еще одно важное, на наш взгляд, обстоятельство. Биограф поэта С. И. Субботин, анализируя газетные материалы Клюева вытегорского периода, выделил в них три тематические группы, одну из которых составили сочинения, что «посвящены бойцам революции» [Субботин, 1984, с. 144]. Из этого наблюдения ученого вполне следует, что Клюев той поры проявлял особый интерес к героическим личностям, чья жизнь обрела высокий смысл в жертвенном служении революционным идеалам, в чьих судьбах символической данностью отражалось нерасторжимое единство Голгофы и эшафота (см. критическое суждение В. Л. Львова-Рогачевского об отличительной особенности поэзии Клюева 1918—1919 годов: «Он сливает Голгофу с эшафотом, мученичество с мятежом, “братские песни” духоборов с марсельезой солденок-революционеров...» [Львов-Рогачевский, 1919, с. 63]. Фигура казненного белогвардейцами Вермишева не только соответствовала ценностным ориентирам творческого сознания Клюева, но и, наверное, обладала для него определённой исключительностью: красный комиссар еще при жизни снискал себе славу революционного поэта, которая после его трагической гибели становилась ведущей силой в формировании образа бессмертия героя в народной памяти.

Острое понимание цены такого бессмертия, тягостные раздумья о жертвах белого террора, мучительный страх подвергнутым жестокой казни и, вместе с тем, твердая вера в революцию как «великий красный пир воскресения» [СД, с. 119] во многом, думается, и определяют у Клюева основную канву идейно-эмоционального содержания стихотворения «Повешенным вниз головою...», в котором отчетливо дает о себе знать жанровая традиция литературной эпитафии.

3. Увековечение Н. Клюевым памяти жертв белого террора (Эпитафия «Повешенным вниз головою...»)

Истинная глубина смыслов анализируемого клюевского текста, возникающая во многом за счет образно-метафорической насыщенности,

наличия всевозможных отсылок и символов, открывается лишь только в библейском контексте. Исследователь Т. И. Пономарева, характеризую этот контекст в творчестве Ключева вытегорского периода, справедливо указывает, что его «библейско-мифологическая образность ... опирается одновременно на тексты Священного писания, на апокрифы, народно-утопические легенды и сказания. Её центром является Христос и символика распятия (сораспятия) — воскресения» [Пономарева, 1999].

В соответствии с эпитафической традицией монументальный текст «Повешенных вниз головою...» обращен к читающим эти стихотворные строки «прохожим» (к тем, чей земной путь еще не завершён) и призывает их не «будить» (не тревожить) спящих мёртвым сном казненных. Проводимое поэтом сравнение смерти с вечным (мёртвым, непробудным, последним) сном согласуется с православным (и шире — христианским) пониманием исхода земной жизни человека и восходит, как известно, к тексту из Ветхого Завета, в котором Господь предрекает гибель жителей Вавилона: «Во время разгорячения их сделаю им пир и упою их, чтобы они повеселились и заснули вечным сном, и не пробуждались» (Иерем. 51:39).

Образная система стихотворения выстроена Ключевым на развитии поэтического уподобления смерти со сном и легализованного этим сравнением художественного образа — сновидений «казненных через повешение вниз головою», которые они видят, находясь в Царстве Божиим. Положение тел повешенных имеет ключевое значение: оно не только отсылает память к мученической смерти святого Петра, посчитавшего, что человек не достоин умереть так же, как Иисус Христос, но и служит важным знаком для осмысления символично-образного строя текста. Современный философ В. В. Петров, изучая ранние апокрифические произведения новозаветной литературы, убедительно доказывает, что «Мученичество Петра» «описывает земное существование павшего человека как жизнь “вниз головой” и следует в этом “Тимею” Платона. После изгнания из рая “опрокинутый” человек воспринимает окружающий мир в “зеркальной” перспективе, меняя правое на левое, истинное на ложное, то есть устанавливая ложные метафизические, эпистемологические и ценностные ориентиры» [Петров, 2020, с. 539]. Чтобы коренным образом изменить земной мир, человеку необходимо его «ещё раз перевернуть, поставить с головы на ноги. Подобное инвертирование является условием “возвращения домой” и вхождения в царство Божие» [Петров, 2020, с. 540]. Данная мысль, заложенная в «Мученичестве Петра», согласуется с взглядами Ключева той поры, с той лишь поправкой, что поэт, как и многие вдохновленные идеалами революции его соотечественники, мечтал об «инвертировании» отпавшей от Бога русской жизни с целью восстановления в ней «своей изначальной родины»

[СД, с. 54] и обретения Царства Божия на земле. Эта идея Клюева стала доминирующим религиозным мотивом всего его раннего творчества [Кудряшов, 2012; Терешкина, 2019]. Таким образом, перевернутое (по отношению к обычному земному пребыванию людей) положение тел повешенных символизирует в клюевском тексте людей уже «обращенных», которые после принятой ими мученической смерти иначе (в перевернутом виде) воспринимают окружающий мир. Граница, разделяющая земной и загробный миры, для них открылась, давая им возможность созерцать Царство Божие, войти в которое им предстоит. Такое символическое значение «повешенных вниз головой» восходит к известным словам Иисуса Христа, сказанным им своим ученикам: «... истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

Картина рая, в который предстоит войти повешенным, символична: здесь у Клюева мы видим и расположенные у аспидно-синей горы (гора, как известно, символ горнего мира) роскошные простые жилища («*косматые шатры*»), и пребывающих друг с другом в мире и гармонии людей, разговаривающих на общем языке, который неизвестен земному миру по той причине, что в нем всегда есть место войнам и раздорам («*И племя с безвестной молвою*»). В воссоздаваемом поэтом раю красота и царящая во всем любовь искоренили даже природную вражду между хищными животными и человеком («*Там девушка тигру услада*»). В Царстве Небесном у Клюева, что согласуется с православной традицией, нашлось место и для грешника («*И отрок геенски двууд*»). Его символический образ также восходит к библейскому тексту, к Евангелию от Марка, где апостол призывает бояться соблазнов, чтобы не погубить душу: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9:43—46). Именно геенская «двуудость отрока» (а старинным словом *уд*, как известно, именовались не только детородные органы мужчин, но и другие части тела, такие как нога, рука, палец и пр.) (акцентируем внимание), пребывающего в Царстве Небесном, свидетельствует о том, что отрок как раз таки при жизни сохранил в целости свое ничем не примечательное тело, в отличие от изувеченной соблазном, но окончательно не погибшей души, что в конечном итоге и обусловило его пребывание в клюевском раю. Без учета библейского контекста прочтение образа «двуудого отрока» неизбежно сведётся исключительно к обнаружению патологии его сексуальной детерминации и ограничится возведением его в «символ гермафродита».

дита (или андрогина)» с соответствующей интерпретацией, как это уже было проделано Ю. П. Соловьевым в его, как нами уже отмечалось, крайне неудачном, но модном сегодня, вследствие затрагиваемой автором темы, «опыте комментария» стихотворения.

В силу особенностей жанра эпитафия непременно содержит обращение из мира живых в загробный мир (к усопшим) или же умерших к еще живым (читающим надпись прохожим), при этом «литературная эпитафия стремится к полному подобию реальной» [Николаев, 1989, с. 49]. Подводя итоги жизненного пути умерших, эпитафия тем самым увековечивает их в памяти еще живых и служит напоминанием им о краткосрочности жизненного пути и предстоящей смерти [Царькова, 1999, с. 5—57], при этом «содержательное напряжение (в сложных пространственных контурах жанра эпитафии. — *И. К., С. П.*) возникает на границе двух миров — земного и потустороннего» [Ложкова, 2018, с. 63].

Увековечивая память о жертвах белого террора, стихотворная эпитафия Клюева «Повешенным вниз головою...» обращена к миру живых. Вслед за картиной Царства Небесного, которое во снах лицезрят повешенные, следуют наставляющие строки о необходимости вечной памяти о перенесенных казненными смертных муках, сопоставимых с теми, которые во искупление грехов человечества испытал Иисус Христос. Здесь Клюев вновь прибегает к излюбленной религиозной символике. Отлитый из «кровинок» повешенных «сосуд», наполненный человеческими страданиями («*В нем влага желёз, сочленений, // И с семенем клей позвонков...*»), рождает аналогию с чашей (потиром), символизирующей «чашу страданий» Христа, восходящую к Его молению о чаше: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26:39). Во время богослужения в церкви используется для принятия верующими таинства Святого причастия (причащения): под видом вина, содержащегося в сосуде, верующий вкушает кровь Иисуса Христа «во оставление грехов и в жизнь вечную». Таинство причастия восходит к Тайной вечере, во время которой Христос, указывая на преломленный хлеб и вино, сказал, что это и есть Его Тело и Его Кровь (Мф. 26:26—28). Причастие к страданиям жертв белого террора — это, по мнению Клюева, необходимое условие той искупительной жертвы, которую должен принести каждый живущий на пути к новой светлой жизни, понимаемой поэтом как обретение Царства Небесного на земле и жизни вечной. Такой путь «обращения» человека, открывающий ему путь в Царство Божие, сродни его возвращению к своим небесным истокам, что в стихотворении нашло воплощение в отрядном достижении казненными Царства Небесного («*сеней незыблемых горных шатров*» и «*материнской груди*»).

К образу чаши и искупительной крови Клюев прибегает в опубликованной без подписи 18 декабря 1919 года в газете «Звезда Вытегры» некрологической статье «Скоро будет радость», написанной поэтом по поводу гибели 24 ноября на Нарвском фронте председателя Вытегорского Уездного Комитета Р.К.П. Василия Александровича Грошникова. В некрологе В. А. Грошникову, созданном в одно время с эпитафией жертвам белого террора «Повешенным вниз головою...», поэт использует сходные образы и символы. Так, образ жизни, которая «носится <...> в каком-то небывалом зловещем вихре» (цит. по: [Субботин, 1984, с. 143]), из некролога проясняет значение употребленного поэтом в эпитафии (по отношению к повешенным за ноги) девербатива «захлѣстнутые», то есть повешенные, ставшие жертвами бушующей в стране гражданской войны.

Клюев в некрологе В. А. Грошникову акцентирует внимание на том, что пролитая погибшими борцами кровь священна и бесценна. Их гибель — это искупительная жертва ради общего блага («*Кровь его на нас и на детей наших...*») и «залог грядущей красной радости», которая понимается Клюевым в религиозном духе как обретение новой жизни через «воскресение», как скорое наступление Царства Божия на земле. В финальных строках некролога содержится обращенный к коммунистам призыв поэта быть достойным (в контексте проводимых автором аналогий то же, что и быть причастным, причаститься) «огненной чаши», наполненной страданиями и кровью павших товарищей: «*Коммунисты, будьте достойны огненной чаши!*» [Субботин, 1984, с. 144]. Попутно заметим, что в русской литературе сходный образ «огненной чаши страданий», символизирующий ужас ожидания и боль страданий, был использован, например, А. И. Герценом в заметке «Зарево», опубликованной в 137 номере журнала «Колокол» от 22 июня 1862 года, а затем он был перенесен им в текст романа «Былое и думы»: «Что за огненная чаша страданий идет мимо нас? Огонь ли это безумного разрушения, кара ли, очищающая пламенем?» [ГСС, с. 122]. Однако «огненная чаша» Клюева (восходящая, как нами уже было отмечено, к «чаше страданий» Христа) символизирует не только мученичество павших героев гражданской войны, но и вечную память о погибших, которая придает живым мудрости и крепости душевных сил. Это значение у символа возникает вследствие того, что образ «огненной чаши» в некрологе, как и образ вылитого из кровинки «сосуда» в эпитафии, отсылают память читателя и к другому библейскому образу — «чаше», наполненной до краев «как бы водою, но цвет того был подобен огню» из «Третьей книги Ездры» (3 Ездр. 14:39). Содержимое этой таинственной чаши, цветом напоминающее огонь, преобразует Ездру: «И взял я и пил; и когда я пил, сердце мое дышало разумом и в груди моей возрастала мудрость, ибо дух мой под-

креплялся памятью» (3 Ездр. 14:40). Символическое значение вылитого из кровинок «сосуда», возникающее благодаря библейским отсылкам, выступает в эпитафии «Повешенным вниз головою...» посылом, обращенным из загробного мира в мир земной, позволяющим уверенно идентифицировать жанровую принадлежность этого произведения Клюева.

Образ чаши для причастия становится лейтмотивом лирики Клюева периода революции и гражданской войны. Сохраняя его основное религиозное символическое значение, поэт придает ему разные смысловые оттенки. Так, в «Красной песне» (1917) «чаша с кровью» символизирует людское горе и страдания, которые необходимо претерпеть, и становится главным атрибутом предстоящего таинства всемирного причастия:

Верьте ж, братья, за черным ненастьем
Блещет солнце — Господне окно;
Чашу с кровью — всемирным причастьем,
Нам испить до конца суждено [СЕ, с. 353].

В стихотворении «Из подвалов, из темных углов...», осмысливая сущность происходящих в стране революционных событий 1917 года, поэт вновь прибегает к образу «Спасовой чаши», акцентируя внимание на спасительной цели революции, воспринимаемой им как таинство всеобщего причастия:

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть всё небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши! [СЕ, с. 362].

Характерное для Клюева восприятие событий Октябрьской революции как происходящего таинства всемирной евхаристии, результатом которой, по убеждению поэта, должно стать обретение духовного братства между народами, нашло отражение и в его «Песне Солнценосца» (1917), в которой из «металлов пластов» отливаются соответствующий грандиозному масштабу предстоящего события потир невиданных размеров:

В потир отольются металлов пласты,
Чтоб солнца вкусили народы-Христы.
О демоны-братья, отпейте и вы
Громовых сердец, поцелуйной молвы! [СЕ, с. 363—364].

Завершает эпитафию Клюева «Повешенным вниз головою...», как нами уже было отмечено, характерный для жанра призыв к живущим не тревожить покой спящих вечным сном казненных: «*Повешенных вниз головою // Трещоткою рифм не буди*». В этих строках, обращенных к живым, содержится очевидная реминисценция из стихотворения Л. И. Пальмина «Requiem» (1865), где также звучит призыв к живущим проникнуться в тишине глубоким уважением к «павшим борцам» и довести «под знаменем тех же идей» начатый ими бой до победного конца:

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед! [ПД, с. 410].

«Requiem» Л. И. Пальмина — вершинное в его творчестве произведение. Уже в 70-е годы оно стало популярным и прочно «вошло в революционный репертуар» [ПД, с. 750]. В начале XX века, до и после революционных событий в России, «Requiem» неоднократно перелажался на музыку, а в годы гражданской войны стихотворные строки из него (с разными незначительными вариациями легкоузнаваемого первоначального текста) использовались в качестве неофициальной клятвы «борцов революции», одна из которых была помещена за подписью Г. Русакова в 3-м издании биографического справочника «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.» [ПБ, с. IV].

Призыв Клюева в эпитафии не петь гимнов казненным борцам согласуется с жанром произведения: как и надписи на могильных памятниках, текст клюевского произведения рассчитан на чтение «проходим» (читателем) в тишине, в отличие от громогласного прославления погибших героев в гимнах.

4. Заключение («Трещоткою рифм не буди»)

Не исключено, что одним из возможных источников клюевского произведения выступает «Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева (1908), который в отечественной словесности начала XX века обрел твердую репутацию «культового текста». В этой повести описываются последние дни приговорённых к смертной казни. Оказавшись перед лицом неизбежной смерти, все герои

(каждый по-своему) борются с изнуряющим страхом перед ней и, пройдя через мучительные «нравственно-психические страдания», предстают в финале, за исключением потерявшего рассудок Янсона, победившими чувство страха, что «становится своеобразным маркером истинной жизни, ее ценностей, итогов» [Петрушкова, 2012, с. 97]. Вполне вероятно, что и переживания героев Л. Андреева, и сама тема казненных, принявших мученическую смерть на виселице во имя светлых идеалов революции, творчески преломляются в художественном сознании Клюевского текста, особенно если в данном случае делать акцент на теме казни как распятия; см. подробнее: [Шишкина, 2018].

Кстати сказать, в Вытегре в двадцатые годы местный театр «показал ... многие пьесы Островского и Чехова, труппа Домпросвета — инсценировку “Рассказа о семи повешенных” и “Савву” Леонида Андреева» [Азадовский, 2002, с. 179]. Скорее всего, постановка андреевской повести в Вытегре состоялась после выхода в свет книги Николая Клюева «Львиный хлеб» и прямой связи между сценическим представлением «Рассказа о семи повешенных» и стихотворением «Повешенным вниз головою...» нет. Вместе с тем этот факт свидетельствует о широкой популярности произведения Л. Андреева в первые мирные годы молодого советского государства. По мотивам повести был снят фильм, который вышел на экраны в 1924 году. Спустя четыре года, в декабре 1928 года, он был изъят из проката, в том числе (и, думается, главным образом) из-за своего несоответствия новым идеологическим установкам большевистской власти [Кино ..., 1987, с. 481]. Такая же участь постигла и произведения Л. Андреева, издания которых в СССР прервутся на четверть века [Чуваков, 1990]. И в целом в обновленном идеологическом дискурсе 20—30-х годов начала господствовать тенденция тотального маркирования и отнюдь не условного деления деятелей культуры и искусства на «своих» и «чужих», которая жёстко определяла границы и формы «литературного ландшафта» Советской России. Николай Клюев стал одним из первых крупных художников слова, кто испытал на себе изменившиеся правила и приемы литературной борьбы.

«В 1927 году, в первом номере ленинградского журнала “Звезда”, появилась знаменитая поэма Клюева — “Деревня”. Как ее пропустила цензура — одному Богу известно. Но она появилась. На следующий день в “Вечерней Красной Газете” громили поэта за контрреволюционное кулацкое выступление, редакцию журнала “обновили”, о поэте завели дело в ГПУ... Испуганный журнал попытался как-то отыграться: спешно заказал Клюеву агитационно-плакатный бодрячок о пионерии и комсомолии: “Мой красный галстук так хорош...”. В пятой книге журнала и появилась эта “Юность” — жалчайшая попытка поэта приспособиться, редакции журнала — оправдаться...» [Филиппов, 1990, с. 138].

Оставляя на будущее полемику о художественной ценности клюевской «Юности», внесем в процитированный текст одно принципиальное уточнение, связанное с историей публикации стихотворения о «красном галстуке». Дело в том, что изначально поэт предпринимал попытки напечатать его в той же «Вечерней Красной газете», что, с одной стороны, становилось бы адресным ответом критикам, разгромившим поэму «Деревня», а с другой, сам факт публикации в этом издании (печатном органе ВКП(б)) оказывался бы демонстрацией лояльности к Клюеву со стороны партии большевиков. И самое главное: для поэта было важным, чтобы «Юность» появилась в одном номере со стихотворением «Повешенным вниз головою...», о чем он и просит в письме к редактору газеты П. И. Чагину, при этом лаконично поясняя свое пожелание: «они скорей бы запомнились» [ВС, с. 749]. В «Красной газете» эти стихи так и не появились, а в журнале «Звезда» была напечатана только «Юность». И на сегодняшний день неизвестно, обращался ли Клюев с аналогичной просьбой в редколлегию «Звезды».

Клюевское пояснение к необходимости одновременной газетной публикации двух произведений, созданных в разные периоды творчества поэта, по сути, служит авторской репрезентацией этих текстов как своеобразного лирического диптиха. И мысль, объединяющая совершенно отличные друг от друга по своим идейно-художественным свойствам стихотворения, актуализируется в смысловом поле их причинно-следственной связи, поэтому для Клюева не имеет значения печатный порядок текстов. При любой их очередности неизменной будет следующая идея: жертвенный подвиг красных бойцов революции, прошедших сквозь ад белого террора, что увековечено в эпитафии «Повешенным вниз головою...», является единственным залогом торжества юности и мирной жизни, восплаемого поэтом в позднем стихотворении. В русле этой идеи сами по себе образуются межтекстовые переключки природоморфных метафор, подспудно возникает ощущение кровного родства трагической судьбы казненных (повешенных) с искупительной жертвой Христа и рождается восприятие «красного галстука» как символа Крещения в советской республике... И, конечно же, ясно обозначается преемственность позднего Клюева с его «коммунарским» прошлым, в чем, на наш взгляд, и заключался замысел поэта напечатать в одном номере газеты «Повешенных вниз головою...» и «Юность». И для этого, спешно настраивая «трещотку рифм», Клюев сознательно поступался собственными поэтическими императивами.

Источники и принятые сокращения

1. ВИ — *Вермишев А. А.* Избранное / А. А. Вермишев ; [вступ. статья Л. Озерова ; сост. и подгот. текста Т. Л. Аверьяновой, Л. К. Кувановой]. — Москва : Художественная литература, 1977. — 381 с.

2. ВС — *Николай* Клюев : воспоминания современников / [вступ. ст. Л. А. Киселева; сост. П. Е. Побережкина]. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2010. — 886 с.
3. ГСС — *Герцен А. И.* Собрание сочинений : в 30 т. Т. 16. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1862—1863 годов / А. И. Герцен. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 529 с.
4. *За Советскую* Карелию. 1918—1920 : Воспоминания о гражданской войне : [Сборник статей] / ред. В. И. Мазешерский. — Петрозаводск : Карел. кн. изд-во, 1963. — 535 с.
5. *Кино* : энциклопедический словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 640 с.
6. *Орловская губерния* в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. (1918—1920 гг.) : сборник документов и материалов. — Орел : Орловское кн. изд-во, 1963. — 295 с.
7. ПБ — *Памятник борцам* пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг. : [биографический справочник] / сост. Л. Лежава, Г. Русаков. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1925. — 779 с.
8. ПД — *Поэты-демократы* 1870—1880-х годов : [сборник] / вступ. ст. Б. Л. Бессонова. — [Ленинград] : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1968. — 784 с.
9. СД — *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза / Н. А. Клюев ; вступ. ст. А. И. Михайлова; сост. В. П. Гарнин. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 688 с.
10. СЕ — *Клюев Н. А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев ; пред. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А. И. Михайлова; сост. В. П. Гарнин. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1999. — 1072 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азадовский К. М.* Жизнь Николая Клюева : документальное повествование / К. Азадовский. — Санкт-Петербург : Изд-во журн. Звезда, 2002. — 368 с.
2. *Артикул воинский* : с кратким толкованием / Напечатана повелением ея императорскаго величества. — 2-м тиснением. — Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1735. — 255 с.
3. *Кудряшов И. В.* О доминирующем религиозном мотиве ранней лирики Николая Клюева / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 6 (37). — С. 78—81.
4. *Ложкова А. В.* Литературная эпитафия: проблема жанровой специфики / А. В. Ложкова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. — 2018. — № 4. — С. 56—64.
5. *Львов-Рогачевский В. Л.* Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин / В. Л. Львов-Рогачевский. — Москва : Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. — 192 с.
6. *Мейкин М.* «Вытегорский» сборник Николая Клюева «Львиный хлеб» / М. Мейкин [Klyuev's "Vytegra" Collection "Lion's Bread"] // Вытегра: Краеведческий альманах. — Вологда : ВГПУ, Русь, 2005. — Вып. 3. — С. 171—184.
7. *Николаев С. И.* Проблемы изучения малых стихотворных жанров. (Эпитафия) / С. И. Николаев // XVIII век. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Сборник 16. — Ленинград : Наука, 1989. — С. 44—55.

8. Петров В. В. Опрокинутый человек «Тимея» Платона в апокрифических «Мученичестве Петра» и «Мученичестве Филиппа» / В. В. Петров // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 535—566. — DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-2-535-566.

9. Петрушкова Е. С. Мотив ужаса в прозе Леонида Андреева / Е. С. Петрушкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — № 3 (19). — С. 90—98.

10. Пономарева Т. А. Проза Николая Клюева 20-х годов [Электронный ресурс] / Т. Пономарева. — Москва : Прометей, 1999. — 136 с.

11. Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917—1920 гг.) / И. С. Ратьковский. — Москва : Алгоритм, 2017. — 463 с.

12. Солнцева Н. М. Странный эрос : Интимные мотивы поэзии Николая Клюева / Н. М. Солнцева. — Москва : Элликс Лак, 2000. — 128 с.

13. Соловьев Ю. П. «Иное царство» Николая Клюева. Опыт комментария к одному стихотворению / Ю. П. Соловьев // Контекст-NONA. Литературно-философский альманах. Выпуск 6. — Москва : Контекст-9, 2000. — С. 199—219.

14. Субботин С. И. Проза Николая Клюева в газетах «Звезда Вытегры» и «Трудовое слово» (1919—1921 годы). Вопросы стиля и атрибуции / С. И. Субботин // Русская литература. — 1984. — № 4. — С. 136—150.

15. Терешкина Д. Б. Евангельские образы и мотивы в первой книге «Братских песен» Николая Клюева / Д. Б. Терешкина // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 1. — С. 94—107. — DOI: 10.15393/j9.art2019.5861.

16. Ушерович С. С. Смертные казни в царской России: к истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год / С. С. Ушерович. — Харьков : Всеукр. совет о-ва политкасторжан и сыльно-поселенцев, 1933. — 503 с.

17. Филиппов Б. А. Николай Клюев : Материалы для биографии / Б. А. Филиппов // Клюев Н. А. Сочинения : в 2 т. Т. 1. — München : A. Neimans Buchvertrieb und Verlag, 1969. — С. 7—156.

18. Царькова Т. С. Русская стихотворная эпитафия XIX—XX веков : Источники. Эволюция. Поэтика / Т. С. Царькова. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. — 200 с.

19. Чуваков В. Н. [Предисловие к комментариям] / В. Н. Чуваков // Андреев Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Рассказы 1898—1903. — Москва : Художественная литература, 1990. — С. 583—586.

20. Шишкина Л. И. Название как ключ к трактовке произведения («Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева) / Л. И. Шишкина // Восточнославянская филология. Литературоведение. — 2018. — № 7 (31). — С. 110—118.

MATERIAL RESOURCES

GSS — Gertsen, A. I. (1959). *Collected Works. Articles from “Bells” and other works of 1862—1863*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House. 30/16. 529 p. (In Russ.).

Mazesherskiy, V. I. (ed.). (1963). *For Soviet Karelia. 1918—1920 Memories of the Civil War: [Collected Articles]*. Petrozavodsk: Karel. kn. izd-vo. 535 p. (In Russ.).

Oryol province during the period of foreign military intervention and civil war (1918—1920). *Collection of documents and materials*. (1963). Orel: Orlovskoe kn. izd-vo. 295 p. (In Russ.).

- PB — Lezhava, L., Rusakov, G. (eds.). (1925). *Monument to the fighters of the proletarian revolution who died in 1917—1921. Biographical reference*. (3rd ed.). Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo. 779 p. (In Russ.).
- PD — Bessonova, B. L. (ed.). (1968). *Democratic Poets of the 1870—1880*. Leningrad: Sov. pisatel. Leningr. otd-nie. 784 p. (In Russ.).
- SD — Klyuev, N. A. (2003). *Word tree. Prose*. St. Petersburg: Rostok. 688 p. (In Russ.).
- SE — Klyuev, N. A. (1999). *Heart of the Unicorn. Poems*. St. Petersburg: RKhGI. 1072 p. (In Russ.).
- VI — Vermishev, A. A. (1977). *Selected Works*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 381 p. (In Russ.).
- VS — *Nikolay Klyuev: Memories of contemporaries*. (2010). Moscow: Progress-Pleyada. 886 p. (In Russ.).
- Yutkevich, S. I. (ed.). (1987). *Movie. encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet encyclopedia. 640 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Azadovskiy, K. M. (2002). *The life of Nikolai Klyuev: documentary narration*. St. Petersburg: Zvezda. 368 p. (In Russ.).
- Chuvakov, V. N. (1990). [Preface to comments]. In: *Andreev L. N. Collected works. Stories 1898—1903*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 6/1. 583—586. (In Russ.).
- Filippov, B. A. (1969). Nikolay Klyuev: Materials for biography. In: *Klyuev N. A. Essays*. München: A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag. 2/1. 7—156. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2012). On the dominant religious motive in the early lyrics of Nikolai Klyuev. *World of Science, Culture, Education*, 6 (37): 78—81. (In Russ.).
- Lozhkova, A. V. (2018). Literary epitaph: the problem of genre specificity. *Ural philological bulletin. Series: Russian classics: dynamics of art systems*, 4: 56—64. (In Russ.).
- Lvov-Rogachevskiy, V. L. (1919). *Poetry of new Russia. Poets of fields and city outskirts*. Moscow: Knigoizdatelstvo pisateley v Moskve. 192 p. (In Russ.).
- Meykin, M. (2005). Klyuev's "Vytegra" Collection "Lion's Bread". In: *Vytegra: Almanac of Local Lore*. Vologda: VGPU, Rus'. 3. 171—184. (In Russ.).
- Military article: with a brief interpretation*. (1735). (2nd ed.). St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk. 255 p. (In Russ.).
- Nikolaev, S. I. (1989). Problems of studying small poetic genres. (Epitaph). In: *XVIII century. Results and problems of studying Russian literature of the 18th century*. Leningrad: Nauka. 16. 44—55. (In Russ.).
- Petrov, V. V. (2020). The overturned man of "Timaeus" by Plato in the apocryphal "Martyrdom of Peter" and "Martyrdom of Philip". In: *Schole. Philosophical studies of antiquity and classical tradition*. 14 (2). 535—566. DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-2-535-566. (In Russ.).
- Petrushkova, E. S. (2012). The motive of horror in the prose of Leonid Andreev. *Perm University Bulletin. Russian and foreign philology*. 3 (19): 90—98. (In Russ.).
- Ponomareva, T. A. (1999). *The prose of Nikolai Klyuev of the 20s*. Moscow: Prometey. 136 p. (In Russ.).
- Rat'kovskiy, I. S. (2017). *Chronicle of White Terror in Russia: Repression and Lynching (1917—1920 gg.)*. Moscow: Algoritm. 463 p. (In Russ.).

- Shishkina, L. I. (2018). The title as the key to the interpretation of the work (“The seven who were hanged” by L. Andreev). *East Slavic Philology. Literary criticism*, 7 (31): 110—118. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (2000). *Strange eros: Intimate motives of the poetry of Nikolai Klyuev*. Moscow: Elliks Lak. 128 p. (In Russ.).
- Solovyev, Yu. P. (2000). «“Another Kingdom” by Nikolai Klyuev. Experience of commentary on one poem. In: *Context-NONA. Literary and Philosophical Almanac*. Moscow: Kontekst-9. 6. 199—219. (In Russ.).
- Subbotin, S. I. (1984). Nikolai Klyuev’s prose in the newspapers Vytegra’s Star and Trudovoye Slovo (1919—1921). Style and Attribution Issues. *Russian Literature*, 4: 136—150. (In Russ.).
- Tereshkina, D. B. (2019). Gospel images and motives in the first book of “Brotherly Songs” by Nikolai Klyuev. *Problems of Historical Poetics*, 17 (1): 94—107. DOI: 10.15393/j9.art2019.5861. (In Russ.).
- Tsar’kova, T. S. (1999). *Russian poetic epitaph of the XIX—XX centuries: Sources. Evolution. Poetics*. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs. 200 p. (In Russ.).
- Usherovich, S. S. (1933). *Death Penalties in Tsarist Russia: Towards the History of Executions by Political Trials from 1824 to 1917*. Kharkov: Vseukrainskiy sovet obshchestva politkatorzhan i ssylno-poseselentsev. 503 p. (In Russ.).